

ИГУМЕН СИЛУАН (ТУМАНОВ)

В Е Р А

ДЕТЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ,
СЛУЧИВШАЯСЯ В МОНАСТЫРЕ

Силуан Туманов
Вера. Детективная история,
случившаяся в монастыре

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65686973

Вера. Детективная история, случившаяся в монастыре / Силуан

(Туманов), игумен: Никея; Москва; 2021

ISBN 978-5-907307-96-4

Аннотация

Новая книга Санкт-Петербургского священника и публициста игумена Силуана (Туманова) написана в популярном жанре православного детектива.

В небольшом женском монастыре в российской глубинке при загадочных обстоятельствах погибает молодая монахиня. Что это? Роковое стечение обстоятельств, суицид, сердечный приступ за рулем или заранее подготовленное убийство? Во всем этом и многом другом предстоит разобраться Вере Шульгиной, дальнейшая судьба которой сложится весьма неожиданно для нее самой.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	9
3	12
4	15
Глава вторая	18
1	18
2	22
3	25
4	30
5	32
6	33
7	35
Глава третья	38
1	38
2	42
3	45
4	49
Глава четвертая	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игумен Силуан (Туманов)
Вера. Детективная история,
случившаяся в монастыре

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 21-104-0080*

© ООО ТД «Никея», 2021

© Игумен Силуан (Туманов А. А.), 2021

Глава первая

1

– Сюда, сюда! Скорее, дядь Сереж! Вон там, у оврага! Видите? Ничего мы не придумали!

Да уже понятно, что не придумали. Впереди, среди деревьев, поднимается из оврага сероватый дымок, и вместе с ним рассеивается последняя надежда на детскую шалость. Что там, за краем, робко покрывающимся мелкой зеленой травкой, еще не видно, но ясно, что это не оставленный кем-то костер, не подоженный сушняк. Да и снега там больше, чем выглянувшей навстречу жесткому апрельскому солнцу подсохшей травы, – чему уж там гореть? Дым тревожный. Тревога передается сердцу, тяжелым комом подкатывает к горлу ощущение непоправимого. Он уже знает, что там увидит. И знает кого.

– Мы же ехали, как всегда, дядь Сереж! Кто ж думал, что так будет? – галдела курихинская детвора, забегая вперед участкового, наперебой стремясь показать дорогу к страшной находке. – А смотрим, мать Фаина зашаталась, руль из рук выпустила, за грудь схватилась. Машину стало заносить в сторону. Васька как закричит: «Разобьемся!»

– Да, да! Он не только это крикнул. А Верка его заткну-

ла, говорит: «Молчи, дурак! Рот с мылом помой! Может, матушке плохо? Матушка, вам плохо?» – спрашивает.

– Ага, точно! А мать Фаина затормозила и как будто что-то сказать хотела, повернулась, и взгляд такой страшный, а в глазах как будто кровь. Правда?

– Да показалось тебе! Взгляд как взгляд, только испуганный. И как будто рукой на что-то показывала. А утром, перед поездкой, нормальная была. Как всегда, спросила про здоровье, помогла в автобус сесть.

– А вот ничего и не показалось! Она грустная такая была, как будто задумала что. А когда машина останавливаться стала, Мишка дверь дернул, и мы все выскочили.

– Перепугались, небось?

– Да что вы, дядь Сереж! Совсем не страшно было, только немного поцарапались. Скорость-то маленькая! А потом матушка быстрее поехала, зигзагами, вот здесь вот, видите? А потом резко в овраг свернула и прям вон в тот вяз. Как бабахнуло!

– Ага, правда! Мы подбежали, а там горит все, и не подойдешь!

– И матушка горит, вся в огне, но не кричала, вообще не двигалась.

– Да, мы подошли, насколько могли, думали, помочь чем можно!

– А как поняли, что ничего уже не сделаешь, сразу к вам! Надо же в таких случаях в полицию сразу, правда? А вдруг

вы улики какие найдете? Чтобы не затоптал никто! Мы даже родителям еще не сказали, только вам.

– Да родители все равно еще на работе... Вон, смотрите, еще дымит!

Весенняя грязь комьями налипает на сапоги, мешает идти. До оврага от проселочной дороги еще шагов тридцать. Как им удастся так быстро бежать? Молодые, беззаботные. Для них происходящее – эдакое развеселое приключение: вон как глаза горят! Еще бы, в нашей-то глуши – и такое случилось! Не в кино, не в книжках! Не знают еще ребятишки ни горечи смерти, ни горечи разлуки. И ведь не сказать, что особо жестокие они. Дети как дети. Все для них пока как игра.

Конец апреля. Уже зазеленели листья на ольхе и вязах вдоль оврага, по широкому дну которого неспешно журчит речка Тязьма – где ручеек на вид, а где и не перепрыгнешь. Серое, пасмурное небо касается земли прохладным ветерком, заставляя плотнее запахнуть выдавшее виды пальто.

Отсюда уже хорошо видно, как дымится растущий на склоне оврага большой вяз и уткнувшиеся в месиво обгоревших веток, недотаявшего черноватого снега и весенней грязи останки микроавтобуса, на котором монахиня местного монастыря сестра Фаина возила курихинскую детвору в соседнюю школу. Стекла разбиты, нос машины всмятку. В обгоревшем черном месиве на переднем сиденье опознать кого-то невозможно, но Сергей понимал, что это она, и ошиб-

ки тут быть не может.

«Вот, значит, как все кончилось... И что же тебя в монастырь этот потянуло-то? К горю, к смерти... Жили бы, как прежде... Ну, не сахар я, но... Вернулась бы, не было б сейчас беды...»

– Дядь Сереж, вы плачете?

Фокин потрепал вихрастую голову с любопытством глядящего на него мальчишки, заставляя себя улыбнуться.

– Молодцы, ребята, правильно все сделали. А теперь бегите домой! Вы же не хотите тут все следы затоптать? Правда? Ну, айда!

Ни к чему расслабляться: впереди куча формальностей. Событие чрезвычайное. Сейчас надо звонить в область, звать специалистов, все грамотно запротоколировать. Потом похороны. Над гробом скажут много теплых и прекрасных слов и... постепенно начнут забывать о погибшей, как будто не жила она на земле, а лишь снилась. Схоронят тело в землю, а память – в сухие строчки полицейского рапорта.

И тяжелым камнем непоправимого в его душу.

– И сотвори ей ве-е-е-ечную память!

Тихий, тускловатый голос отца Павла уносился ввысь под старинные своды, взлетал под купол монастырского храма и затихал в темной вышине, прорезаемой желтыми лучами заходящего солнца. Жалобно звенели бубенцы кадилницы, полупрозрачными облачками поднимался белесый дымок ароматного ладана. Старинные лики святых смотрели с настенных росписей величественно, со сдержанным сочувствием, как будто присоединяясь к молитвам немногих стоящих в храме людей.

Настроение было тягостное, разум цепенел и отказывался верить произошедшему. Смерть монахини – явление из ряда вон выходящее, особенно когда сестер в монастыре и так наперечет, когда каждые руки на вес золота. А уж когда уходят такие, как Фаина...

Хотя страшная весть по поселку разнеслась быстро, в храме почти никого не было: многие еще не вернулись с работы, а монахини были на послушаниях. Впрочем, сочувствовать и прийти в неурочное время в храм, помолиться о упокоении духовной сестры готовы были не все.

– Разбилась? Я так и знала! Самоубийство – дорога в ад, так и знайте, батюшка! – с явным удовольствием, нарочито громко отчеканила монахиня Авделая, уже много лет быв-

шая заведующей монастырской библиотекой, еле дослушав скорбную весть. – И для нее, и для тех, кто за нее молиться вздумал. Уж священнику-то такое знать положено. Хотя какие уж теперь священники?! Так, для видимости, только кадилом махать!

Торжествующе скользнула взором по худощавой фигуре молодого священника.

– Да что ж вы так, сестра!.. Еще ведь неизвестно, отчего это произошло! Может, сознание потеряла или приступ сердечный. Что же сразу самое плохое подозревать? Да хоть бы и так! Это же наша сестра Фаина, не посторонний кто! Как же не помолиться? – негромко проговорил отец Павел, стучавший в молчаливые двери монашеских келий.

– Еще чего не хватало! И так все ясно: люди врать не будут. – Слова старушки бодрым эхом отскакивали от стен полутемного коридора. – Уж больно самоуверенная да шустрая Фаина ваша была. Все страстишки играли, выпячивала себя, вот и не довело это до добра! И сама навеки погибла, и монастырское имущество угробила!..

– Что раскричалась, сестра? Пожар, что ли? Кто погиб, что за имущество? – выглянула в коридор благочинная¹, монахиня Ёрмия.

¹ Благочинная в женском монастыре – должность с широкими полномочиями. В задачи благочинной входит забота о своевременном исполнении всех монастырских работ (послушаний) и церковных богослужений. Как правило, второе по значимости лицо после настоятельницы, игуменьи. – *Здесь и далее примечания автора.*

Авделая фыркнула, сверкнув глазами, и молча скрылась, хлопнув дверью.

– Сестра Фаина скончалась... Разбилась... Некоторые тут считают, что сама она себя... но я в это не верю... иду в храм служить панихиду. Пойдете? – с видимым трудом произнес отец Павел.

Ермия вздрогнула, закрыв враз посерьезневшее тонкое лицо руками, молча кивнула и вскоре вышла в камилавке² и мантии.

Так вдвоем и пели они в соборе слова зауспокойной молитвы, опасаясь нарушить древние правила, но повинувшись неписаному долгу любви.

² *Камилавка* — головной убор черного цвета с пришитой сзади наметкой – длинным куском легкой ткани.

3

«Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь безконечная».

Созванные монотонно-печальным зовом колокола, немногие пришедшие на богослужение люди не могли скрыть слез и недоумения. Поверить в случившееся было невозможно. Казалось, уж кто-кто, но не Фаина – бодрая, молодая, всегда готовая прийти на помощь – могла уйти из жизни так неожиданно, так трагически. А еще этот мерзкий слушок...

– От самого рождения Господь привязывает нас к земле невидимыми нитями любви, родственных отношений, веры, надежды. Дает нам познать, что такое любовь и вера, а потом постепенно обрывает эти связи, готовя нас к Небу...

Голос священника дрогнул. Надгробные проповеди отцу Павлу и так давались нелегко, а как говорить в прошедшем времени о человеке, с которым еще утром молились на полунощнице?

Красивые слова застревают в горле. Перед лицом торжествующей смерти они кажутся пустыми и легкомысленными. Но и промолчать нельзя. Люди смотрели на него, требуя утешения и объяснения. Все хотели понять, как же такое горе стало возможным? Почему же это случилось здесь и сейчас,

а не где-то далеко, среди далеких от Церкви людей?

– Никто из нас не останется на этой земле, все мы рано или поздно пройдем путем смерти. Но это – лишь врата. И ведут они нас туда, куда мы искренне стремились всю свою жизнь: либо к вечной славе, либо к гибели. Конечно, мы надеемся, что наш жизненный путь оборвется не так... не так трагично... Тут болтают всякое. Я не знаю, что произошло сегодня утром, но не верю, что наша сестра Фаина могла решиться на самоубийство!.. Не верю в это! Да и как нам сейчас бросить без молитвы душу человека, с которым каждый из нас хорошо знаком уже много лет и о ком не может сказать ничего плохого? Помолимся, чтобы Всеблагой Господь простил новопреставленной монахине Фаине все ее прегрешения и упокоил в вечных Своих селениях. Ей сейчас как никогда нужна наша поддержка...

Спину Сергея грело заходящее солнце, отбрасывая перед ним на пол храма длинную черную тень, вписанную в яркий оранжевый прямоугольник. Крепко сжатая в руке свеча надломилась, и горячий воск янтарными каплями медленно капал на руку, а с нее – на каменный пол. Но участковый не замечал боли. Удары сердца отзывались в висках, безжалостная память напоминала о страшной утренней находке. Казалось, если он пройдет вглубь храма, ближе к панихидному столику, то снова увидит то, что хотел бы забыть больше всего на свете: обгоревшее тело своей бывшей жены посреди начинающей оживать после долгого зимнего сна природы.

Молился ли он? Был ли верующим? Сергей и сам затруднился бы ответить. В храм он ходил редко, да и не чувствовал в этом особой необходимости. Но сейчас... Сейчас он где-то в глубине души понимал, что все происходящее нужно и важно, пусть даже он и не может объяснить почему.

А еще его душу глодало чувство вины. И сделать с этим он уже ничего не мог.

Стихло пение панихиды. Люди неторопливо подходили к панихидному столику, ставили догорающие свечи на подсвечники, брали благословение у отца Павла и молчаливо тянулись из храма, крестясь на выходе.

– Спасибо, отец! – сдержанно произнес Сергей, неумело прилаживая сплюснутую свечу на канон³. – Ради ее памяти – спасибо. Она была бы рада, наверное... Не будет у тебя потом проблем?

– Не знаю, Сергей Семеныч, надеюсь, нет. Бог не выдаст, как говорится, а совесть моя чиста... Ну не могла она сама так, не могла! И кто только слухи эти распускает? – Волнуясь, проговорил отец Павел. – Она нас всегда ободряла, поддерживала и чтобы так, без всякой причины опустила руки... Да и от чего? Нет! Не знаю, как ее поступок объяснить, скорее всего, сердечный приступ, поломка какая, но чтобы самоубийство – нет! Запретит владыка – не буду в храме поминать. Но кто может запретить помнить и молиться?

– Правильно, батюшка! Не могла она сама! – уверенно встряла в беседу бойкая румяная старушка лет восьмидесяти. Даже в такой момент Никитишна не могла не быть в цен-

³ *Канон, канун* или панихидный столик – невысокий прямоугольный столик с подсвечниками и лампадой перед изображением Распятия, на который ставят свечи за упокой души.

тре внимания, зная все и про всех, неизменно собирая вокруг себя кружок удивленных слушателей.

– Я поначалу и в храм-то идти не хотела, потому что грех на ней и на всех тех, кто за нее молиться вздумает! А потом поняла: да не виновата она! Не виновата! Это все происки нечистой силы. Это проклятие! Нет, не перебивайте, батюшка! – решительно пресекла она едва заметное движение священника. – Бес попутал ее, не иначе! С толку сбил. Не слушаете меня, а я вас всех уже не раз предупреждала. Сны не лгут! Проснулось старое проклятие, проснулось и коснулось Фаинушки нашей, голубицы чистой! Вот рассудок-то ейный и помрачился, и к гибели ее лукавый бес привел! А я знала, что так будет, я же всем давно уже говорю! Да вы ж разве слушаете? Что, дескать, глупая старуха болтает? А вот что случилось! Не к добру было знамение, не к добру! И сны тревожные были! А сегодня ночью опять огни в заброшенной часовне играли! Это бесы ликовали перед смертью Фаинушкиной!

– Ну что вы говорите такое, Мария Никитична? Какие бесы, какие огни?

– Самые натуральные бесы, батюшка, из преисподней! А кто ж еще в ту часовню ночью пойдет? Людям там делать нечего! Страшные вещи там творятся! Недаром старики говорили, что проклята она, и в незапамятные времена монах там повесился от запретной любви. Вот душа его неприкаянная и мается, мается и других к себе в ад зовет! И Фаиноч-

ки-то нашей душа теперь маяться будет и вокруг нас летать. Еще придет, попугает! А кого и с собой заберет! Особенно деток берегите, водичкой святой кропить не забывайте!.. И не затыкайте мне рот, пожила на свете, знаю, что говорю! Весь наш поселок прокляли, порчу навели. Есть у бесов помощничек-подельник! И я знаю кто, знаю!

– Да ладно тебе, что говоришь такое! Кто же это у нас такое сделать-то мог?

– Кто? А то некому? Безбожников – полсела! Да хоть бы и Кошкин ваш, блудник безбожный... Но не только он, похабник! Я же все вижу. Вижу, кто из вас чем занимается! Вижу, кто всех обманывает, невинной овцой прикидывается, а о великом грехе мечтает! Вот результат, смотрите: монашку с толку сбили, до смертного греха довели! – Бросив победоносный взгляд на нахмурившегося участкового, она бодро продолжила: – Все в свое время скажу! Никто не скроется от суда Божьего! Смерть Фаины – это только начало. Не просто так в часовне огни мелькают да завывают жуткие голоса...

– «И мертвые с косами стоят», да, Никитишна? Старушка аж побагровела от негодования.

– Вот вы все смеетесь, а ведь досмеетесь! Еще попомните мое слово: прокляли и монастырь, и все Курихино! Люди бесовские дела делают, с нечистой силой играют! Но чаша Божьего гнева переполнилась! Много теперь смертей будет. Много!

Глава вторая

1

Глядя на величественные очертания Свято-Спиридоньевского монастыря близ затерявшегося в средней полосе поселка Курихино, сегодня трудно даже представить, что когда-то этой обители не существовало – так солидно смотрятся издалека уцелевшие зубцы монастырских стен, высится белая свеча изящной колокольни с пламенеющей над окрестными лесами золотой главкой, впечатляет благородством пропорций пятикупольный собор, сошедший, казалось, с проникнутых сказочным русским духом иллюстраций Билибина⁴.

Но, как это частенько бывает, древним кажется то, что возникло совсем недавно.

Согласно местному преданию, история монастыря насчитывала всего две сотни лет. Говорят, что прежде здесь, на одиноком холме среди лесов, близ речки Тязьмы, ютилась горстка монахов, молившихся в простом деревянном храме.

⁴ *Иван Яковлевич Билибин* (1876–1942) – русский художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель, участник объединения «Мир искусства». Художественный талант Билибина ярко проявился в его иллюстрациях к русским сказкам и былинам, а также в работах над театральными постановками.

Паломники в такую глушь заглядывали редко, поэтому братия жила бедно, но спокойно. Чтили святого Спиридона, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды. Воду брали в источнике неподалеку, даже мельницу небольшую соорудили у реки, чтобы была своя мука для просфор и душистого заварного хлеба. Как-то Господь хранил: не роскошествовали, но и не голодали.

Спокойная жизнь кончилась в начале XX века, когда в Нижний Волочёк прибыл новый архиерей – преосвященный епископ Анемподист, который первым делом решил объехать с проверкой все губернские монастыри и храмы. Посмотреть, так сказать, свои новые владения.

Но доехать до спрятавшегося в лесах Спиридоньевского скита оказалось делом непростым. Тем более что из архиерейской свиты в такой глуши ранее никто не бывал. После нескольких часов блуждания по бездорожью владыка уже отчаялся было кого-нибудь найти и собрался поворачивать обратно, как почти случайно келейник преосвященного, послушник Герасим, краем глаза заметил вдалеке на холме поднимающийся среди чащобы печной дымок.

Это и предопределило весь дальнейший ход истории и монастыря, и самого поселка Курихино.

С трудом пробравшись сквозь заросшую кустарниками дорогу, обдирая о колючки ежевики подолы шелковых ряс, визитеры обнаружили посреди леса на холме несколько деревянных домов и с десятков ошеломленных монахов, боль-

шинство из которых видело такое важное церковное начальство впервые.

Когда оторопь первой встречи прошла, благословились, прошли петь молебен в небольшой храм, приложились к иконам, и владыка осенил всех простым деревянным крестом. После чего настоятель, немного смущаясь драного своего подрясника, пригласил гостей в трапезную подзакусить с дорожки. К облегченному выдоху свиты, владыка Анемподист милостиво соблагоизволил.

В небольшой избе, торжественно именуемой трапезной, по такому случаю спешно накрыли праздничный обед: ушицу из речной рыбки, в грубоватых, но чистых мисках поставили разварных раков, пареную репу, пироги с картошкой да капустой, ароматный ржаной хлеб. На десерт и сладких пирогов подали, меда и варенья, моченой клюквы.

Настоятель смущался зря: после многочасовых блужданий по лесу и самые брезгливые из архиерейской свиты умиляли нехитрую провизию за обе щеки. Глядя на такое воодушевление гостей, братия и канты духовные хором пропели, слаженно разложившись на три голоса. А после настойки на местных ягодах, прекрасно сочетавшейся с немудреными пирогами, и сам владыка начал подпевать монахам баском, вспоминая семинарскую свою молодость.

То ли умилительное пение, то ли настойка произвела столь сильное впечатление, но, встретив такой простой и радужный прием, владыка пришел в восторг и постановил, что

место многообещающее, потенциал у обители есть, и пора расширяться.

– От нас, сами понимаете кто, – епископ значительно вознес величественный перст в потемневший деревянный потолок трапезной, – требуют умножения числа монастырей. По тому и судить будут о благоустройении епархиальной жизни. Так что затвор и ягоды – дело хорошее, но надо высокосоответствовать!

Как ни пытались его отговорить, преосвященный был непреклонен и поспешил подать рапорт в столицу, в Святейший Синод, после чего отступать было уже некуда.

Но решение решением, а где взять средства на строительство? Это же не сарай построить! Где берут такие большие деньги, владыка сообщить отказался, решительно отсекая робкие попытки настоятеля испросить у него что-то еще, кроме благословения. На монастырские доходы и надеяться было невозможно – деньги у монахов водились только в воображении окрестных пьяниц, а сами на такое масштабное дело еще не одну сотню лет бы копили! Так что после молитв и раздумий настоятель обратился за помощью к единственному местному помещику – Юлиану Львовичу Курихину, славившемуся достатком, ироничным складом ума и крутостью нрава.

Юлиан Львович, вольготно расположившийся в креслах и наслаждавшийся дорогой сигарой, снисходительно выслушал слегка дрожащего, одетого в заплатавшую рясу монаха. Но, вопреки ожиданиям родственников и челяди, прочь настоятеля не прогнал и собак вслед не спустил, а помочь монастырю согласился. С условием, что контролировать ход строительства будет исключительно сам. «А то настройте, милейший, как всегда, клетушек и куполочков под Святую Русь, стыда потом не оберешься», – прибавил он с ехидцей, выпуская колечко сигарного дыма.

И хотя настоятель до того дня, кроме монастырских избе-

нок, ничего не строил, разве что дрова рубить помогал, но спорить с помещиком он, понятное дело, не стал.

Сложно сказать, почему Курихин согласился. Человеком барин был не особо религиозным, если даже не сказать – наоборот. Злые языки судачили, что грехи свои замолить хотел или, может, через Синод карьеру сделать. Теперь уж не узнать. Однако слово свое Юлиан Львович сдержал. Из блистательной Северной столицы приглашен был модный архитектор Отто Яковлевич Штольц, и уже через несколько дней рабочие расчистили дорогу к монастырю, холм перерыли, деревянные постройки разобрали, монахов переселили под холм во временные кельи.

Под холмом поселились и строители с семьями, незатейливо назвавшие новую деревеньку в честь сиятельного попечителя. Потянулись повозки с кирпичом, и обитель приобрела небывалые прежде очертания: стремительно стал расти величественный каменный комплекс, рассчитанный на двести монахов, со вместительным собором, колокольней, игуменским и братским корпусами, садами, цветниками, аптекарским огородом и беседками, хозяйственным двором и часовней у родника с обустроенной купелью. И все это великолепие по проекту Штольца решено было окружить мощными каменными стенами.

Монахи тихонько молились, по стройке коршуном метался неутомимый Штольц, величественно вышагивал Курихин с вечной своей сигарой, а посланники епископа не могли на-

радоваться, глядя на новые стены и предвкушая бенефиции от благоволения начальства.

Строящийся монастырь вскоре стал предметом разговоров и вельможного любопытства. Наведывались и окрестные помещики, и паломники разного чина. Благо что иноки молитву не прекращали, а некоторые даже славились духовной рассудительностью.

3

В конце мая 1914 года, когда монастырь почти приобрел свои привычные теперь очертания, из области вновь приехал преосвященный Анемподист с губернатором Спенкевичем и множеством местной знати.

Начинания Курихина владыка одобрил, собор освятил, продолжать строительство благословил и, по окончании торжественного молебствия с многолетиями, соблаговолил вкушать местной рыбы, искусно приготовленной личным поваром Юлиана Львовича.

Обед накрыли прямо перед собором в устроенной по этому случаю беседке, затейливо украшенной цветами и лентами.

Стоял погожий денек, ярко светило солнце, воздух будоражили ароматы фруктовых садов и цветников, пряных трав, а изредка налетавший ветерок разгонял жару. Дышалось полной грудью.

Певчие монахи из тех, кого не заперли в братском корпусе со строгим наказом не попадаться на глаза благородному собранию, издалика с тоской поглядывали на уставленный роскошными яствами стол и теребили в руках ноты. Хор, как обычно, планировали кормить после всех.

Наконец в беседке собрались гости. Пропели молитву, епископ величественно благословил еду и собравшихся, все

расселись по чину, и неспешно началась трапеза. Между тостами и здравицами хор стройно пел умилительные канты о славных петровских победах и о любви к родной матери, о таинственном хождении Богородицы во град Вифлем и о томлениях прегрешной души. Когда пение утомляло, слух благородного собрания услаждал выписанный из города струнный квартет, а хористам тихонько подносили наливков и пирогов. Дети вельможных гостей бегали вокруг стола, играя и охотясь на бабочек. Суетились официанты, беззаботно жужжали шмели, стрекотали кузнечики. Счастью, казалось, не будет конца.

Внезапно, ближе к десерту – вымоченным в мадере засахаренным фруктам, воздушным профитролям, начиненным нежнейшим сливочным кремом, конфетам и кофию от Эврипида Яни и шоколаду от поставщиков двора Его Императорского Величества Алексея Абрикосова с сыновьями, – в монастырских воротах показалась группа строителей.

– Деньги, шельмы, требуют, «доведены-с до отчаяния», руки на себя грозятся наложить, – почтительно доложил управляющий возмущенному досадным препятствием Юлиану Львовичу.

– В шею гони! Не видишь, празднику мешают. Потом приму.

Но как ни пытался управляющий прогнать просителей, те не уходили. Пришлось подключить жандармов из свиты губернатора.

Через полчаса к столу подбежала бледная как смерть кухарка с криками: «Повесился, повесился!»

Выяснилось, что Антон Хворобов, бригадир строителей, не получавший несколько месяцев платы за работу, попытался наложить на себя руки прямо в новенькой часовне и лишь по счастливой случайности был вытащен из петли своими же товарищами.

Праздник окончательно был испорчен. Повисла пауза, и в полной тишине раздался негромкий голос монастырского старца Панкратия:

– Не может крепко стоять то, что на страданиях невинного человека поставлено. Как бы не проклят был наш монастырь навек...

Случился конфуз. Меры, конечно, своевременно приняли. Хворобова откачали и должным образом наказали. Кухарку за досаждение гостям тихо отругали и призвали к порядку. Старца деликатно, но твердо вывели из-за стола в келью. Оркестр заиграл что-то бодрое.

Но было поздно: преосвященный недовольно комкал салфетку. Губернатор резко высказался о распоясавшихся вольнодумцах, оскверняющих святыни русского народа. Побледневший настоятель вжался в кресла, не зная, что в такой ситуации сказать или предпринять. Кому-то из дам стало дурно, кого-то из гостей стошнило, заплакали дети. Так прекрасно начинавшийся праздник был смазан, и лишь энергическими усилиями Юлиана Львовича удалось хоть как-то от-

влечь гостей от сего досадного недоразумения и перевезти в экипажах к прудам с фейерверками и шампанскими винами для продолжения торжества.

Смерть, как известно, не мешает жизни идти своим чередом.

Так ли все это было или нет, но с того времени пошел слух о проклятии и страшной смерти в часовне, и местные единодушно обходили ее стороной, хоть уже и не помнили всех деталей. Тем временем наняли нового управляющего, и работы продолжили. Вот только через пару месяцев снова остановились – началась мировая война. Впрочем, энтузиазм Юлиана Львовича не угасал, и к Рождеству 1916 года полностью готовый монастырский комплекс уже возвышался над поселком.

Белоснежный и величественный, он казался не просто архитектурной доминантой, а символом незыблемости духовного начала и власти, потрясал сознание, главенствовал над жизнью простых курихинцев, не решившихся принять ангельский образ, но пожелавших остаться людьми.

Сложно сказать, насколько преуспели и в том, и в другом и монахи, и селяне. Вскоре Россия закружилась в вихре революционного лихолетья. Курихин с домочадцами спешно отбыл в Париж и назад уже не вернулся. Оставшиеся без благодетеля жители быстро прониклись идеями новой жизни: монахов из келий выгнали, опустевший монастырь разграбили, а потом и разобрали значительную часть штольцевских стен

для постройки своих домов и сараев. Остатки ограждения со временем стали разрушаться, побелка облетела, обнажив бурые кирпичи. Сады одичали, цветники затоптали и пообъели сельские коровки.

Невольное пророчество старца сбылось.

Передел собственности так увлек местных жителей, что за садами ухаживать стало некому и они заросли кустарником и высокой травой. Разогнав монахов, поначалу решили устроить в монастыре колхоз, но при столь сложном рельефе местности вскоре признали это неудобным. После в соборе попытались хранить зерно, потом размещали Дом культуры, клуб, спортзал.

Но странное дело: каждое начинание быстро затухало. Как будто сам храм отчаянно сопротивлялся и не желал менять свое предназначение, предпочитая пустоту одиночества осквернению. Зерно прело и портилось. В Дом культуры, клуб и спортзал народ ходил вяло: летом для танцев предпочитали собираться на открытом воздухе, а после того, как в соборе случайно сломали систему отопления, стало слишком холодно даже для пьяного веселья. Специалистов к тому времени уже арестовали, и чинить старинное отопление было некому. Попытки заселить монастырские корпуса колхозниками тоже не привели ни к чему хорошему: постоянно подниматься на холм и обратно по разбитой дороге было тяжеловато, особенно зимой и в непогоду. Поэтому при первой же возможности курихинцы снова перебирались вниз, а монастырь медленно пустел.

Часть корпусов начала разрушаться, и доступ к ним при-

шлось перекрыть. А после того, как несколько парней положили ноги, спяну пытаюсь разобрать каменный пол в «проклятой» часовне, чернеющий спуск к воде заколотили досками и даже подходить лишний раз ближе опасались.

Тут уж и самые отчаянные скептики вспомнили про проклятие, и попытки приспособить здания монастыря под свои нужды сами собой прекратились.

Когда в конце девяностых пришла весть, что полуразрушенные здания и землю вновь отдают Церкви, это вызвало недовольство. Одни боялись, что больше не смогут пасти скотину на монастырском дворе и разбирать на кирпич для сараев стены на холме. Другие побаивались, как бы монахи не разбудили древнее проклятие и не навели на поселок беду. Наиболее горячие, узнав о прибытии новых хозяев, даже вышли протестовать к дороге у бывших монастырских ворот, но оторопели, увидав не дюжих монахов-захватчиков, а несколько хрупкого вида женщин в черном: оказывается, нижеволочковский епископ решил заселить курихинские развалины монахинями.

Новая хозяйка обители – игуменья Херувима – была человеком неглупым и решительным. Древних проклятий она не боялась, но и раздражать местных не хотела. Поэтому к «проклятой» часовне сестры не ходили, благо что было где свежую воду брать.

Вскоре напряжение сошло, и зажили дружно. Впрочем, за годы соседства монастырь с поселком так и не перестали быть параллельными вселенными, а насыщенная богослужениями и послушаниями монастырская жизнь оставалась для местных тайной, разгадывать которую мало кто хотел.

Монастырь без богослужения – как тело без души, как дом без жильцов: одна видимость. Но вот беда: поначалу больше года ни один священник в монастыре не задерживался. То, по мнению игуменьи, батюшка был глуповат, то слишком хитер, то до денег охочий, то жена его слишком дерзко себя вела. И только когда владыка, осерчав и сделав внушение, направил в Курихино пожилого монаха – схиархимандрита Трифона, пригрозив, что больше священников не будет, игуменья успокоилась, а суета прекратилась.

С новым священником приехали духовные чада, согласные принять монашество, что для восстанавливающейся обители оказалось весьма кстати. Со временем пошла даже молва о чудесах в Спиридоньевском монастыре, пророчествах и знамениях. Стали приезжать паломники, жаждущие прозорливого слова и совета, привлеченные обещанными исцелениями и особо мощной молитвой старца. С помощью благодетелей обновили игуменский корпус, освежили колокольню с входными воротами, несколько странно смотревшимися при полуразваленных стенах. Покрасили снаружи собор и перестроили один из небольших корпусов для старца: принимать народ.

А часовню над бывшим источником восстанавливать не стали: все равно родник давно пересох. Да и проклятья по-

баивались.

Со временем в помощь отцу Трифону прислали из города второго священника – иерея Павла Федотова, человека молодого, честного, но довольно мягкого. Поговаривали, рассердил он своей прямолинейностью некое сановное лицо, и отправили его подальше, чтобы не смущал благотворителей. Жена его, мельком взглянув на избу в селе, которую передали под жилье новому священнику, без лишних слов развернулась, забрав двоих детей, и больше ее в Курихино не видели.

Отец Павел горевал, конечно, но изменять жене не стал. Знали это доподлинно: как тут скрыть такой грех, когда живешь в небольшом поселке, как на ладони? Впрочем, совсем без греха не обошлось: как сообщила сельская сплетница Никитишна, знавшая все и обо всех, священник с горя стал выпивать. Но службы не пропускал, пьяным его на улице не видали, а нравом и добрым словом проповеди и наставлений он снискал уважение у местных жителей. Так что недуг – кажущийся или настоящий – курихинцы и сестры ему охотно прощали. Таким он даже казался им более близким, понятным, что вполне компенсировало «заумный» стиль бесед и проповедей молодого священника.

Монахинь в монастыре было немного. Причин тому было несколько, впрочем, основная причина проста: как вести

хозяйство, игуменья знала хорошо, недаром в миру директором кондитерского магазина была, а как вести духовную жизнь – лишь предполагала, прочитав несколько книжек греческих монахов и слушая наставления заезжих старцев.

Поэтому приезжавшие кандидатки в монашество задерживались, как правило, ненадолго. Работы было много, и кажущаяся романтика длинных черных одежд и особой духовности из головы быстро выветривалась. Из приехавших с отцом Трифоном задержались надолго лишь монахини Ермия и Лариса, да послушница Виктория. Своими в ближайшем окружении Херувимы они так и не стали, но монастырь без них представить было уже невозможно. Ермия искусно несла требующее немалого дипломатического таланта послушание: ведь важно было не только порядок поддерживать, но и не «столкнуть» игуменью с монахинями. Лариса утром и вечером читала и пела в храме, а днем занималась с народом, идущим на прием к отцу Трифону. Виктория и за курами ухаживала, и лампочку вернуть могла, и огород прополоть, и кафизму прочитать. Работала много и самоотверженно, с явной радостью, но постриг принимать не торопилась. Игуменья ворчала, но не сильно настаивала: послушания исполняются, работа идет своим чередом, а остальное – дело личное.

Последней пришла в монастырь местная учительница, которой отец Трифон при постриге дал новое имя Фаина, в честь мученицы Фаины Анкирской. Ее приняли с радостью

– еще бы, ведь она первая из всех жителей Курихино в монахини пойти решилась. Игуменья сразу назначила ее вести занятия в воскресной школе, водить новенький монастырский микроавтобус, а в свободное время читать и пономарить⁵ в храме.

Конечно, для небольшого села постриг учительницы был событием из ряда вон выходящим. Никитишна тут же сообщила всему честному народу, что ушла Фаина в монастырь не просто так. Бывший ее муж – даром, что участковый при исполнении, – руки распускал да был Светлане неверен. Потом пошел слухок, что разойтись Фаине благословил старец Трифон, любивший, по словам Никитишны, вмешиваться в чужие судьбы.

Впрочем, ни сама Фаина, ни Сергей на эту тему не распространялись, и слухи постепенно стихли.

⁵ В определенные моменты богослужения выносить особую свечу на подставке, подавать кадило, записки с именами верующих, убираться в алтаре и т. п.

Глава третья

1

На обочинах трассы снег почти сошел, обнажая черную землю. Овраги и речушки, темные стволы деревьев мелькали за окном, быстро сменяя друг друга, сливаясь в пятно. Монотонный пейзаж убаюкивал. Дерзкое весеннее солнце припекало сквозь запылившееся стекло старенького «фиата», но в тенике все еще заметно холодило.

Ехать из Нижнего Волочка до Курихино всего полтора часа, но Вере казалось, что прошла уже целая вечность. Дорога «на край земли» почти свободная, но как тут разгонишься, когда кругом колдобины да ямы? Сложно представить себе человека, который согласился бы приехать сюда по своей воле. А ведь живут же тут десятилетиями, всю жизнь. Рождаются, любят, ненавидят, умирают...

На сердце тяжело. Опять звонил Антон: «Как поделить имущество при разводе, что делать с дачным участком, кому достанется мебель?» Не смог удержаться от поддевок, как будто и так не добился своего. Конечно, надо бы срочно ехать на квартиру, смотреть, обсуждать лично... Но видеть бывшего супруга Вера не могла до боли в груди, о вещах думать не хотелось, а хотелось убежать на край земли и забыться

среди совершенно незнакомых людей. Так что эта командировка, поначалу казавшаяся совсем неуместной, пришлась очень кстати.

Событие печальное, конечно, но вполне рядовое. В рапорте местного участкового все указывало на несчастный случай: какая-то монашка разбилась, не справившись с управлением микроавтобусом. С фотографии из личного дела монастыря умными глазами смотрела на Веру женщина лет тридцати. Сестра Фаина, в миру Светлана Евгеньевна Торнина. Спокойное красивое лицо обрамлено напоминающим платок черным головным убором. «И что тебя в монастырь-то потянуло? Что вы там все находите?» – спросила Вера фотографию. Ответа не было.

Как ни пыталась Вера поначалу отказаться, но ехать пришлось. Пол-отдела в отпусках, а все, что с Церковью связано, кому попало поручить нельзя. Вернется – премию выпишут, как-то нарочито бодро сообщил начальник отдела подполковник Ковалевич. И вполголоса намекнул, что к начальству повыше приезжала игуменья, что-то обсуждала за закрытыми дверьми. Так что рубить с плеча нельзя, и дело требует женской деликатности.

– Иван Яковлевич, ну послушайте! Какая там деликатность? Я и в монастырях-то отродясь не была, что там к чему – не представляю. И вообще, в наше время все эти черные одежды и поклоны... Мне бы сейчас несколько дней за свой счет, вещи перевезти. Ну, вы в курсе...

– Так, Шульгина, эмоции отставить! Ты офицер или неженка кондитерская? Вещи твои не пропадут. А то, что не разбираешься в церковных делах, – не беда. Книжечки почитай про монастыри на досуге, в интернете поройся. Вот, я тут на днях почитал, смотри – «Плач третьей птицы» называется. Жена посоветовала. Толковая книжка, со смыслом. Пряма вся жизнь монастырская как на ладони. А эмоции в сторону. Да и развеешься заодно.

– Так просто же все. Что-то с головой у монашки стало. Или любовь несчастная, или сердечко отказало, или засмотрелась на что по дороге. Ну, максимум самоубийство. Что тут специально расследовать? Дело-то простое!

Ковалевич помолчал, вздохнул и продолжал чуть тише:

– Ну ладно, все равно тебе надо это знать. Человек ты неглупый, скажу то, что другому бы не доверил. Дело простое, да не очень. Вот результаты вскрытия: Торнина умерла за минуту до аварии от массивного кровоизлияния в мозг и внутренние органы. Разрыв капсулы печени, разрыв селезенки. Почему? Причина неизвестна, но ясно, что сердце ни при чем. Следов известных токсинов, наркотиков, алкоголя в организме не обнаружено. Наши специалисты затрудняются это объяснить: таких случаев не было за всю историю отдела. И это либо какое-то изощренное самоубийство, либо... В общем, монахини могут быть в опасности. А как их защитить, если даже неясно, от чего и от кого? Игуменья пока не сообщали, ни к чему панику сеять, просто предупредили

о твоём приезде. А тебе надо под предлогом расследования самоубийства тихонько разобраться в ситуации, опасность нейтрализовать и не раздувать вокруг монастыря скандала. Ну, сама понимаешь!

2

Золоченая маковка колокольни видна издалека. То появится, то скроется за деревьями вдоль дороги. За селом Шумским резкий поворот, трасса уходит вправо, несколько километров прорезает лес почти прямой асфальтированной линией и врывается в поселок. Это и есть Курихино. Около сотни домов, примерно половина кирпичных. На первый взгляд довольно чисто, приветливо. За поселком холм, на нем возвышается монастырь. В арочных проемах изящной колокольни темнеют колокола, за ней виден собор, зубцы стен. Зрелище величественное и какое-то... неестественное, что ли, тревожное. Как будто не для людей все это построено, а для иных существ, не ведающих ни обычных человеческих радостей, ни горя. Прямо «град Китеж».

Внезапно выдавший виды серебристый «фиат» Веры лихо обогнал черный «лендкрузер».

Обдал облаком пыли и на полных парах взлетел на холм, уверенно вписавшись в большие, крашенные зеленым ворота.

«Ага! Похоже, местное начальство. Очень кстати. Вот и поговорим».

Но въехать в монастырь сразу за ними не удалось – прямо за внедорожником ворота стали закрываться. Пришлось резко притормозить и посигналить. Раз, другой. Никакой реак-

ции. Ворота намертво закрылись, отсекая даже самую мысль о проникновении внутрь.

Ладно. Мы не гордые. Пойдем пешком, а там разберемся.

– Эй, женщина! Да ты, ты! Стой! Куда пошла? – остановил ее скрипучий голос из будки наподобие КПП. – Служба кончилась, вечером приходи. Старец не принимает. А лучше завтра приходи. И что за шапку-то нацепила? Городская, што ль? Платок надень. Ишь ты, вырядилась как, бесстыжая, в святое место!

– Здравствуйте! – Войдя с солнца в полутемный проем под колокольней, Вера вслепую попыталась определить источник голоса. – Я – следователь из города. Приехала по делу гражданки Торниной. Мне необходимо побеседовать с вашей руководительницей... э-э-э... Еленой Степановной Рубусовой – Херувимой.

– С матушкой игу-у-уменьей? А она благословила? А то много тут всяких...

– Да, наше начальство все согласовало. Вот мое удостоверение.

«Да что же это за каменный век? Что за сфинкс тут такой поселился?»

Отделившись от темной стены бравая старушка в черном подслеповато вперилась в корочку следователя, разве только не попробовав ее на зуб, и внезапно сменила гнев на милость.

– Из области? Ой, голубушка! Да что ж вы сразу-то не

сказали? Ох, путь-то неблизкий. А я думала, это паломники опять батюшку нашего тревожить хотят! А батюшка только с дороги, отдохнуть бы ему... Да, и правда! Вот тут у меня от матушки записка лежит, что вы приедете. «Шульгина», точно! На общественном транспорте ал и на своей автомобиле? Так заезжайте, что снаружи стоять, заезжайте!.. Ох, скромная какая автомобиля. И не скажешь, что важная персона! Заезжайте...

Ворота с механическим скрежетом снова стали медленно открываться.

Напротив изящного белого двухэтажного домика рядом с внедорожником стоял высокий, плотного сложения мужчина лет за шестьдесят, в черном балахоне до пят под черным же пальто, и что-то задумчиво рассматривал в смартфоне. Ветер слегка касался его одежд и длинной седой бороды. «Похоже, это и есть тот батюшка, тревожить которого нельзя».

– Здравствуйте!

Седобородый повернулся с легким удивлением в глазах, сложил пальцы каким-то особенным образом и размашисто перекрестил Веру, после чего привычным жестом сунул ей руку под нос, видимо, для поцелуя.

– Нет, спасибо, – почему-то покраснев, ответила она, – я атеистка.

– Нехорошо! – нахмутив густые брови, пробасил седобородый. – Нехорошо! Неверие от лукаваго! Ну, это до поры до времени. Зачем же вы к нам в монастырь тогда?

– Вера Георгиевна Шульгина – старший следователь, капитан полиции. Расследую несчастный случай с гражданкой Торниной.

– А-а-а, с Фаиной... Да, тяжелое, конечно, событие, тяжелое. Ну, милости просим.

– Спасибо. Как я понимаю, вы – местный священник?

– Да, грешный схиархимандрит Трифон. Но вам все наши

звания ни к чему выговаривать. Зовите просто: отец Трифон. А если для протокола что надо, у помощницы моей данные возьмите: имя гражданское и все прочее. Сестра Лариса! – окликнул он женщину в черном, которая носила из машины в дом чемоданы и сумки. – Это следователь из области, потом, если что надо, – объясни, расскажи!

– Да, благословите, – коротко отозвалась женщина низким, грудным голосом, на мгновение остановившись, глядя в пол, и снова понесла какие-то кульки и пакеты дальше в дом.

– Спасибо, отец Трифон. Как я понимаю, вы знали Торнину... Фаину?

– А как же не знать? Дочь моя духовная. По благословению моему в обитель пришла года два назад, от рук моих и постриг принимала... Беда, конечно, такая беда! Это какой же позор на монастырь! Тяжкий грех – самоубийство, тяжкий грех. Но я Фаину не виню, от горя это у нее. Сие есть не тайна исповеди, скажу свободно. Пришла она ко мне за день до... смерти, да. Да прямо в келье и разрыдалась: врач наш местный – тот еще безбожник и богохульник – выдал ей результаты МРТ, а там в голове у нее нашли опухоль. Ну что? Женщина – неможное естество. Страхи, тревоги, слезы... Утешил, благословил молиться, готовиться к смерти. От Господа ведь и жизнь, и смерть! Впрочем, и провериться еще раз не помешало бы, мало ли, ошибка какая. Люди часто ошибаются. А она, получается, отчаялась, мучительной смерти испугалась, смалодушничав. Решила руки на себя на-

ложить... Грех, грех это! И смертный, непростительный!

– Вы так уверенно говорите о самоубийстве, отец Трифон. У вас есть основания это утверждать?

– Так а что же это еще? Вскрытие же уже было, как я понимаю? Факт самоубийства доказан?

Веру словно обжег умный, внимательный, выпытывающий взгляд.

– Следствие пока продолжается, отец Трифон, однозначно говорить рано... А где ее хоронить будут, вы уже решили? Ну, то, что осталось, конечно. Не в монастыре?

– Что вы! Нет, Вера Георгиевна, тут нельзя, нет! Не нами уставы писаны. Пока остается подозрение – нельзя. Самоубийц на освященной земле не хоронят. А то, может, и правда не было никакого самоубийства? Уснула за рулем или отвлеклась? Или, как у вас говорится, «в состоянии аффекта», может, приняла она что перед поездкой для храбрости?..

Опять этот пронзительный взгляд. Вера промолчала.

– Да, ну если без аффекта, то сложно все... От маловерия, такое бывает, неискренней молитвы, гордыни, конечно. Усердная она была, но чересчур дотошная, любопытная, во все дела влезала, искала правды. А что правда-то? Нет ее у людей. Жила бы себе в послушании да молитве. А так вот только болезнь заработала...

– О! Я вижу, вы уже приехали? И с нашим батюшкой познакомились? Вот и слава Богу!

По ступенькам домика легко спустилась женщина сред-

них лет, одетая в черное длинное платье и белую накидку, скрывавшую седеющие волосы. Золотистый крест на груди у монахини изысканно сверкнул на солнце камнями. Беглый умный взгляд оценивающе скользнул по Вере.

– Здравствуйте, – приветливо проговорила монахиня. – Вы, я так понимаю, следовательно из Нижнего Волочка, Шульгина?

– Да, здравствуйте!

– Звонили уже из города, предупреждали о вашем визите, просили встретить честь по чести.

Очень рады. А я – игуменья сего богоспасаемого места. Можно просто – матушка Херувима. Надеюсь, наша грозная привратница, сестра Галактиона, вам лишнего не наговорила? Она у нас старой закалки, из серии «враг не пройдет!». Не обижайтесь, так-то она добрая, – снова обезоруживающе улыбнулась игуменья. – Машину лучше в гараж переставить. А то ночи сырые, мало ли что. Место есть. Рады вас приветствовать в нашей обители, пойдемте, чайку откушаем. Устали, небось, с дорожки? Прохладно сейчас. Так баньку натопим!

– Да ничего, ничего, не беспокойтесь, пожалуйста. Что вы...

– Да какое же тут беспокойство? Обычный долг православного гостеприимства, как испокон веку в русских монастырях принято!

К чайку нашлась и булочка с красной икоркой и деревенским маслицем «со слезой», и фрукты, и душистая ушица, и запотевший графинчик. От водочки Вера отказалась, но поела с удовольствием, неожиданно поняв, что действительно устала с дороги.

Говорила больше игуменья, много, приветливо. Рассказала об истории монастыря, о том, как по капризу строителей – Курихина и Штольца – вырубил лес на холме, отчего между собором и колокольной часто ветрено и неудобно. О том, как нелегко приходится поднимать святое место в наше бездуховное время. О том, как живут сегодня сестры, какие отношения с местной администрацией, жителями поселка.

В чистой, уютной гостиной горел настоящий дровяной камин, было тепло, даже жарковато. После уличной прохлады Веру немного сморило, и слушала она игуменью вполуха. На стенах висели портреты неизвестных ей людей в необычных одеждах, иконы, картины южного города в разных ракурсах с большими буквами «Jerusalem», на окнах – дорогие шторы.

О погибшей монахини Херувима отзывалась только хорошо. И послушная была, и работающая, и смиренная. Да вот только болезнь ее превозмогла и, видимо, довела до такой беды...

После сочных рыбных котлеток с картофельным пюре на

сливках и с домашним сыром игуменья позвонила в небольшой колокольчик, и девушка в черном лет двадцати пяти, читая нараспев какую-то молитву, снова внесла поднос с красивыми тарелками: на десерт сегодня был домашний пирог с творогом, орехами и вареньем.

Хоть Вера и не выпила ни капли, вскоре почувствовала себя захмелевшей от духоты, обильного угощения, необычной терминологии и непривычного гостеприимства.

– А гостиницы в поселке нет, Вера Георгиевна, так что остановиться мало-мальски с комфортом можно только у нас. Для уважаемых гостей на выбор: либо здесь, в игуменском корпусе, либо в гостевой келье во флигеле сестринского. Думаю, что паломническая гостиница никак вам не подойдет, одноместных номеров там нет, а завтра автобусы с паломниками на выходные приедут – шумновато будет. Люди разные приезжают, и не всегда, как бы сказать, адекватные.

– Ну что вы, матушка, спасибо. Не хотелось бы вам тут надоедать. Кто знает, насколько все растянется? Я, если можно, лучше в комнатке гостевой остановлюсь.

– Растянется? А разве... Ну, как скажете... Но на ужин милости просим.

Если игуменья и была недовольна, то виду не показала. Позвонила в колокольчик и деловито распорядилась позвать какую-то сестру Викторию, постелить в гостевой келье и отнести Верины вещи.

– Живите, конечно, сколько надо! Только, думаю, и расследовать тут нечего, все понятно, хоть и прискорбно: Фаина от горя помрачилась рассудком, а может, и опухоль уже давила на мозг, вот и пошла, несчастная, на тяжкий грех, сама не отдавая себе отчета в том, что делает. А может, и задумалась за рулем, да вовремя не спохватилась. Об этом мы уже и с начальством вашим говорили. Так ведь, отче?

– Да, это, думаю, единственное объяснение, – чуть подчеркивая слова, проговорил отец Трифон. – Это многое бы объяснило и для нас, и для вас, Вера Георгиевна. И с монастыря бы сняли позор, и в рапорте, думаю, смотрелось убедительно.

– Да, это вполне правдоподобная версия. Вы думаете, что Торнина так близко к сердцу приняла свою болезнь?

– А как иначе? На нее это произвело сильное впечатление. Вообще, надо сказать, в последние дни она ходила сама не своя, как будто тяготилась чем. А тут и ясно стало чем.

Игуменья настороженно глянула на старого священника, но промолчала.

«Ага, неужели старец лишнего сказал? Не из-за вас ли, матушка, Фаина ходила сама не своя?»

– Спасибо, отец Трифон, это важно. Могу ли я побеседовать с сестрами?

Какой взгляд, однако! Не привыкла игуменья, чтобы ей перечили.

– Думаете, это нужно? Ну, как скажете... Хотя зачем? Ума

не приложу.

– Как же, матушка? Важно, чтобы сестры для протокола подтвердили, что не было ни давления, ни постороннего влияния. Только следствие болезни, боязнь мучительной смерти... Ну, вы понимаете.

– Хорошо, воля ваша. Можно всех сюда вызвать, побеседовать после вечерни.

– Нет, матушка. Лучше наедине. Похожу, поспрашиваю. Вы же знаете, люди лучше раскрываются вдалеке от начальства. Поменьше официоза, а то замкнутся, не расскажут всего. Вы же сами сказали, что-то Фаину беспокоило. Вот и надо выяснить, что именно, иначе рапорт неубедительно смотреться будет. Мне же потом перед начальством отчитываться. Только проводника бы из местных, чтобы не заплутала тут нигде.

– Ну, как знаете, – внезапно светло улыбнулась игуменья, как будто приняв какое-то решение. На этот раз взялась не за колокольчик, а за смартфон. – Алло, сестра Ермия? Да, Бог благословит! Поднимись ко мне сейчас, дело есть.

Через пару минуту в комнату вошла высокая худошавая монахиня. На вид – ровесница Веры.

– Вот, Вера Георгиевна, благочинная наша – сестра Ермия. Проведет везде, со всеми познакомит, да и монастырь покажет. В общем, содействуй, мать, следствию! Помощи вам Божией! – широко и безмятежно улыбнулась на прощанье игуменья, осеняя гостью в воздухе широким крестом.

Глава четвертая

1

После духоты игуменских покоев весенний ветерок во дворе заметно освежал. Сойдя с крыльца, Вера осмотрелась. От игуменского корпуса к остальным зданиям расходились аккуратно выметенные дорожки, красиво выложенные по краям белым камнем. Клумбы, затейливые мусорницы, небольшой прудик, скамейки, беседки – во всем ощущение уюта и покоя. Для цветов рановато, но зеленая травка уже начала пробиваться навстречу дерзкому молодому солнцу. Если не стоять в тени, то в демисезонном пальтишке даже немного жарковато.

– Давно у вас снег сошел?

– Да дней пять назад, – мелодично и спокойно ответила мать Ермия, идя чуть впереди Веры, показывая дорогу, но думая, казалось, о чем-то своем. – Как на Пасху тепло пришло, так на холме все и стало таять... Начать беседы с сестрами сейчас проще всего с библиотекариши, сестры Авде-лаи. Библиотека у нас в сестринском корпусе, вон там, – словно пропела Ермия, сдержанно указывая на соседнее здание. – На втором этаже. Лифта нет.

Показалось или монахиня усмехнулась, заподозрив в Вере

городскую неженку? Надо поофициальнее, что ли.

– Давно вы знакомы с Торниной?

– Да, уже давно. Еще когда она деток учила. А ближе познакомилась года два назад, как она в монастырь пришла. Все гадали тогда, почему она гражданского мужа своего, Сергея Фокина, участкового нашего, бросила? Красивая была пара. Наша «святая» Никитишна, к каждой бочке затычка, уже чего только не придумала. А я думаю, что есть люди, которым семья не нужна. Не по размеру души. Позовет их вечность – и ничего не поделаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.